

Виталий Амурский

Встреча с Одессой

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический»

Не все в зрочки уместится,
Но, как пунктир,
Потемкинская лестница –
Смещение перспектив.

И – моря даль безмерная,
Куда, не покорясь,
Ушел в бессмертие
Корабль-князь.

А там, где в тучах-ключьях
Небесный пережат,
Румынские и прочие
Чужие берега.

Чужой любовью тусклой
И музыкой чужой
Сошлись навек над русской
Размолотой душой.

* * *

На ароматы воздух щедр
Между каштанов и акаций,
Душе и сердцу не в ущерб
Его оттенки на закате.

Но только жителям мансард,
Где рядом черный хлеб и кисти,
Стекает лучшей из масандр
Закат янтарно-золотистый.

* * *

Диск багрово-пунцовый
Незаметно сгорел,
У дворца Воронцова
Ни гостей, ни карет.

Прочно заперты двери,
Лишь акации в ряд
В потемневших ливреях
Будто слуги стоят.

Южные версты

Под радугой сверкающе-изогнутой –
Дорога сквозь дурмящий озон.
Подсолнухов расплавленное золото
Стекает за раскрытый горизонт.

Тень коршуна тревожно-невесома,
Как казака заточенный тесак,
И – тишина, быть может, до Херсона,
Где узник ты – у времени в тисках.

Львовское

Когда под вечер августовским воском
Закат стекает с неба без осадка,
В рыжеющих слегка деревьях львовских
Есть старым львам присущая осанка.

И каждый дом по-своему отмечен:
Кто – аркою, кто – лестницей со скрипом,
Кто – барельефом, кто, увы, картечью,
Кто – двориком, за пазухою скрытым.

* * *

Ни огорода. Ни бузины.
Ни дядьки в Киеве.
Осень. Порог зимы.
Птицы гнезда покинули.

Струнами тихих арф
Мокрый снежок над городом.
Плащ застегни и шарф
Малость поправь на горле.

Хмуриться не резон
Даже в тоске и скуке.
Просто еще сезон
Кончится через сутки.

Похвальное слово генералу Инзову,
начальнику управления
иностраннных колонистов Южного края

Иван Никитич Инзов –
Российский генерал,
Без клобука и ризы
Крестил – не выбирал.

Болгарина и грека
Брал под свое крыло.
Дух братства – лучший лекарь
В отчестве кривом.

Без церемоний барских –
Указ и – свой уже!
Правитель бессарабский
По чину – не в душе.

Таким, смотрящим прямо,
Добро – не ремесло.
Ах, Пушкин, как же, право,
Тебе с ним повезло.

Третье отделение

1.

И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ...
Лермонтов

Голубые мундиры
Видом не палачи.
Крысам – щели и дыры,
Этим – к душам ключи.

По дворцовым паркетам
Николаевский сыск:
За опальным поэтом
Тенью клеится Икс.

О, России проказа –
Боль и горе уму
На дорогах Кавказа,
В воронцовском Крыму.

Меньше дыма от ветра
И еще унесет...
Только нет мне ответа:
Отчего это все?

2.

Наследникам Бенкендорфа

Доколь жандарма совесть гложет,
И по ночам он плохо спит,
Не все потеряно, быть может,
Для человека, что в нем скрыт.

Но человек приличный вроде,
Как в тихом омуте вода,
В ком дух жандармский тайно бродит,
Уже потерян навсегда.

Париж

